УДК 821

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.3.14

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СЕРВАНТЕСА В РОМАНЕ «ДОН КИХОТ»

© Г. Г. Ишимбаева*, Н. Р. Ленкова

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Тел.: +7 (347) 273 67 26.

*Email: galgrig7@list.ru

Цель настоящей статьи – исследование нарратологической стратегии Сервантеса в романе «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» – обуславливает ее актуальность и научную новизну. Методологическая основа работы – концепция немецкого теоретика литературы В. Шмида, который рассмотрел повествовательные инстанции с точки зрения присутствующих в них образов конкретного автора, абстрактного автора и фиктивного нарратора. В статье проанализирована специфическая практика текстообразующего способа создания картины мира и человека в виде сюжетных высказываний, рассмотрен вопрос об авторстве романа, выявлены нарративные трансформации сюжета романа. Предложено рассмотрение трех коммуникативных уровней «Дон Кихота», которые созданы конкретным автором Мигелем де Сервантесом Сааведра, абстрактным автором, фиктивными нарраторами (Сидом Ахметом Бен-инхали и его переводчиком, Алонсо Фернандесом де Авельянеда из города Тордесильяса, авторами пергаментов, Дон Кихотом, Санчо Пансой).

Ключевые слова: Сервантес, «Дон Кихот», нарратология, конкретный автор, абстрактный автор, фиктивный нарратор, коммуникативный уровень.

Одно из перспективных направлений современного литературоведения связано с нарратологией, или теорией повествования. Анализ «сюжетно-повествовательных высказываний (дискурсов), соотносимых с некоторой фабулой (историей, интригой)» [20, с. 5], исследование специфической практики текстообразующего способа создания картины мира и человека в виде сюжетных высказываний позволяет по-новому взглянуть на классические художественные сочинения и, в частности, на роман Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский».

История его изучения и осмысления насчитывает четыре столетия. В ряду исследователей романа – по понятным причинам назовем имена лишь некоторых – философы (Х. Ортега-и-Гассет [13], М. Унамуно [21–22] и др. [10]), писатели (В. Набоков [12], Х. Л. Борхес [3–4], Т. Манн [11] и др. [23]), литературоведы (Ю. Айхенвальд [1], В. Багно [2], С. Пискунова [14–16], К. Степанян [19] и др. [5–8; 25]), которые, казалось бы, обозначили весь возможный спектр подходов к великому произведению.

Все писавшие и пишущие о «Дон Кихоте» так или иначе обращаются и к проблеме автора-повествователя. Однако, как правило, все сводится к констатации того, что Сервантес был вынужден прибегнуть к маскировке и ввести в роман «арабско-ламанчского историка» Сиды Ахмета Бен-инхали, чтобы доверить ему «отдельные из своих сатирических высказываний» [9; с. 21].

Между тем, проблема, на наш взгляд, не исчерпывается только этим. Сервантес не просто использует маску Сиды Ахмета Бен-инхали, чтобы избежать конфликта с инквизицией и цензурой, но предлагает принципиально новый способ текстообразования.

Цель настоящей статьи – нарратологическое исследование романа Сервантеса – обуславливает ее актуальность и научную новизну.

В начале XXI столетия немецкий теоретик литературы В. Шмид проанализировал повествовательные инстанции с точки зрения присутствующих в них образов конкретного автора, абстрактного автора, фиктивного нарратора [24]. «Конкретный автор – это реальная, историческая личность, создатель произведения. К самому произведению он не принадлежит, а существует независимо от него» [24, с. 41]. «Абстрактный автор» – «образ создателя произведения, воплощенный в его творческих актах», он «содержится в произведении и реконструируется читателем» [24, с. 42]. «Нарратор» «неизбежно присутствует» «в каждом повествовательном произведении», «поскольку текст неизбежно содержит индексы имплицитного изображения» [24, с. 75–76].

Воспользуемся концепцией Шмида как методологической основой при анализе романа Сервантеса о приключениях идальго Кехана, где уже в самом начале (глава 8 первой части) происходит очевидное раздробление образа повествователя. Рассказчик, использующий форму множественного числа, замечает: «... к величайшему нашему сожалению, первый летописец Дон Кихота <...> прерывает описание поединка и ставит точку», «... второй его биограф <...> не мог допустить, чтобы эти <...> события были преданы забвению и чтобы ламанчские писатели <...> не сохранили у себя в архивах или же в письменных столах каких-либо рукописей, к славному нашему рыцарю относящихся; оттого-то <...> и не терял он надежды отыскать конец занятой истории, и точно: <...> он его нашел <...> – об этом будет рассказано во второй части» [17, с. 97]. В этом отрывке зафиксировано

наличие автора-повествователя, первого летописца и второго биографа, который в перспективе обратится к неким рукописям, где будут содержаться дополнительные сведения о Дон Кихоте. Так вопрос об авторстве романа теряет возможность принципиально однозначного ответа – теряет тем более, что в самом начале произведения выступает приятель, помогающий автору с Прологом и предлагающий составить все примечания и сноски книги, а позже появляются тордесильянский писака, арабский и ламанчский писатели, переводчик, авторы пергаментов, Дон Кихот в качестве автора романа о самом себе и Санчо Панса в качестве сочинителя писем.

Для того, чтобы прояснить вопрос об авторстве романа, необходимо воспользоваться нарративным подходом к тексту, очевидно имеющему несколько коммуникативных уровней, которые созданы конкретным автором Мигелем де Сервантесом Сааведра, абстрактным автором, фиктивными нарраторами.

Первый коммуникативный уровень романа представлен в начале обеих частей романа, где писатель говорит о себе самом и приводит прямые автобиографические данные. В первой части Сервантес подписывается под посвящением герцогу Бехарскому и обращается к читателю в Прологе, где намекает на свое тюремное заключение и на неудачи с публикациями ранних произведений. Вторую часть Сервантес посвящает графу Лемосскому, упоминает свой сборник «Восемь комедий и восемь интермедий, никогда еще не представлявшихся на сцене», подчеркивает нужду, просит о материальной поддержке, обещает скорую публикацию романа своего «Странствия Персилеса и Сихизмунды», возмущается подложной второй частью «Дон Кихота», изданной в 1614 г. лицензиатом Алонсо Фернандесом де Авельянеда из города Тордесильяса.

Кроме того, коммуникативный уровень конкретного автора уточняется в обоих Прологах в процессе раскрытия его цельной концепции романа и озвучивания его системы нравственных законов, которыми должно руководствоваться честным людям и литераторам в том числе.

Используя форму диалога с приятелем, который помогает ему написать Пролог первой части, Сервантес, с одной стороны, определяет цель своей книги как «сплошное обличение рыцарских романов» и формулирует главное требование к себе как к художнику («подражать природе» [17, с. 35]), с другой, обозначает игровую природу текстопорождения. Во-первых, он называет себя не отцом, но отчимом Дон Кихота; во-вторых, определяет избранную им стратегию создания текста – без прологов, сонетов, эпиграмм и похвальных стихов, «коими обыкновенно открываются у нас книги» [17, с. 31] – и тут же использует ее по методу от противного, создавая Пролог и открывая роман

десятью стихотворениями-пародиями зачастую экспериментальной формы (например, с обрывом слов в конце каждой строки: «Если к тем, кто мыслит здра-, / Адресуешься ты, кни-... и т.д. [17, с. 37])). Этот прием позволил Сервантесу дистанцироваться от абстрактного автора, о котором он сказал прямым текстом: «... пусть уж сеньор Дон Кихот останется погребенным в ламанчских архивах, пока небо не пошлет ему кого-нибудь такого, кто украсит его всем, чего ему недостает» [17, с. 32].

Пролог второй части носит более личный характер и вызван стремлением объяснить с бессовестным лицензиатом, автором подложного продолжения «Дон Кихота». Сервантес говорит о себе как о солдате, получившем увечье в честном бою, отдает должное Лопе де Вега и стыдит скрывшегося за псевдонимом писаку, жаждущего славы и денег.

Заметим, что личность конкретного автора присутствует в основном тексте романа эпизодически, способствуя созданию историко-литературной атмосферы эпохи. Эпизодический герой Сервантес («испанский солдат, некий Сааведра» [17, с. 400]) создан абстрактным автором, который использует его в качестве культурного маркера времени, как это происходит, например, в знаменитой сцене осмотра книгохранилища Дон Кихота. Цирюльник и священник обнаруживают среди книжного изобилия «Галатею» Сервантеса, о котором священник говорит: «С этим самым Сервантесом я с давних пор в большой дружбе, и мне хорошо известно, что в стихах он одержал меньше побед, нежели на его голову сыплется бед...» [17, с. 84].

Второй коммуникативный уровень романа связан с абстрактным автором, который ведет повествование о приключениях Дон Кихота и его оруженосца Санчо Пансы, выстраивает определенную логику, философию и идеологию действия, а также включает в текст образы многочисленных фиктивных нарраторов: Сида Ахмета Бен-инхали и его переводчика, Алонсо Фернандеса де Авельянеда из города Тордесильяса, авторов пергаментов, Дон Кихота, Санчо Пансу – и их повествования, которые образуют третий коммуникативный уровень. (В рамках настоящей статьи мы не рассматриваем многочисленные вставные новеллы романа, которые имеют свою разветвленную систему нарраторов.)

Абстрактный автор, конструирующий роман «Дон Кихот» и являющийся внутритекстовым представителем конкретного автора, ответственен за появление цезуры, рассекающей рассказ и связанной с изменением режима повествования, вследствие чего изменяется повествовательная точка зрения, а также за появляющиеся нестыковки и нарушения причинно-следственных связей в повествовании.

Так, глава 22 (1 часть), посвященная освобождению каторжников, предпринятому Дон Кихотом,

начинается со слов «писателя арабского и ламанчского»: Сид Ахмет Бен-инхали «... рассказывает, что славный Дон Кихот Ламанчский, обменявшись со своим оруженосцем Санчо Пансой мнениями, которые приводятся в конце главы 21...» [17, с. 203]. Глава 27 (2 часть) о приключении с ослиным ревом строится по такому же принципу: «Сид Ахмет, автор великой этой истории, начинает настоящую главу такими словами...» [18, с. 204]. В этих и многих других подобных зачинах сюжетная информация подается с помощью цитации якобы переведенной рукописи, что позволяет абстрактному автору конструировать речевые черты – и не только самого Сиды Ахмета Бен-инхали, но и его кастильского переводчика. Последний, в частности, достаточно вольно обходится с переводимым текстом, опуская то, что ему кажется «мелочами» [18, с. 131].

Любопытно, что про книгу, ее автора мавра Сиды Ахмета Бен-инхали и переводчика говорят главные и второстепенные герои романа во второй части произведения. Дон Кихот, например, признается всаднику в зеленом плаще: «... я удостоился того, что обо мне написана книга и переведена почти все языки мира...» [18, с. 114]; Санчо Панса по своему озвучивает ту же мысль: «... про меня пишут в книгах и теперь будут по всему свету трепать мое имя...» [18, с. 61]. Поистине головокружительную конструкцию создает Сервантес, герои которого во второй части романа знакомятся с книжной версией их собственных приключений, описанных в первой части, и дают комментарии по поводу прочитанного!

В рамках интересующей нас нарративной темы особый интерес представляет эпизод первой части романа, где осел Санчо Пансы необъяснимым образом то пропадает, украденный разбойником, то появляется вновь, непонятно откуда взявшийся [17, с. 234, 241]. Во второй части романа приводятся два объяснения этого нарушения причинно-следственной связи между фактами кражи и возвращения осла. Самсон Карраско считает, что сочинение Сиды Ахмета Бен-инхали неточно из-за «худой и слабой памяти» автора [18, с. 33]. Сам же Сид Ахмет Бен-инхали убежден, что он не виновен в этом досадном недоразумении: «... в первой части по вине наборщика выпало объяснение того, каким образом и когда именно он его похитил, отчего многие читатели пришли в недоумение и типографскую ошибку склонны были приписать забывчивости автора» [18, с. 204].

Абстрактный автор, как видим, продолжает игру, которая была обещана конкретным автором в прологе первой части, – так раскрывается третий коммуникативный уровень текста романа, представленный фиктивными нарраторами. Помимо Сиды Ахмета Бен-инхали и его переводчика, это автор подложной второй части «Дон Кихота», авторы пергаментов, сам Дон Кихот, Санчо Панса.

Нарративная специфика Авельянеда из Тордесильяса во втором томе романа Сервантеса раскрывается в подложном продолжении. Оно известно героям, с ним знакомится Дон Кихот, который позже попадает в книгопечатню, где видит процесс правки его листов. Об этом сочинении говорят гости на постоялом дворе: «... у всякого, кто читал первую часть истории *Дон Кихота Ламанчского*, должна пропасть охота читать вторую» [18, с. 436], давая убийственную характеристику этой «плохой книги» [18, с. 436], в которой Дон Кихот разлюбил Дульсинею Тобосскую.

И хотя текст Авельянеда из Тордесильяса в романе не приводится непосредственно, представление о нем, а значит о идеолекте нарратора, появляется благодаря оценкам, которые дают герои. Дон Кихот, впервые пролистав это сочинение, выделяет три вещи, достойные порицания: «некоторые выражения в прологе», «арагонское наречие, с пропуском некоторых частей речи», неправильное имя жены Санчо Пансы. «А кто путает такие важные вещи, – заканчивает он свою мысль, – от того можно ожидать, что он перепутает и все остальное» [18, с. 436–437]. Санчо Панса же произносит окончательный приговор арагонскому сочинителю, который изобразил главных героев совсем не такими, какими их представил Сид Ахмет Бен-инхали и какими они были в жизни. С этим мнением солидарен и Дон Кихот, который о книге высказывается однозначно: «... я полагал, что ее уже успели сжечь за ее вздорность, а пепел развеяли по ветру <...> Истории вымышленные только тогда хороши и увлекательны, когда они приближаются к правде или правдоподобны...» [18, с. 466].

Эти замечания идадьго и его оруженосца звучат в высшей степени концептуально: поскольку в Прологе Сервантес категорически настаивает на подражании писателя природе, т.е. на правдивости повествования, то нарушающий это требование Авельянеда из Тордесильяса посрамлен как лжец. И еще более он посрамлен после решения Дон Кихота не ехать на турнир в Сарагосу, описанный Авельянеда, чтобы не «совпасть» с придуманной историей, и выбирает Барселону.

Мысль о двух различных Дон Кихотах становится лейтмотивной во второй части романа Сервантеса, один из героев которого так приветствует въезжающего в Барселону Рыцаря Печального Образа: «Милости просим, доблестный Дон Кихот Ламанчский, не тот мнимый, поддельный и вымышленный, который действует в иных новейших лживых повестях, но истинный, подлинный и сомнению не подлежащий, такой, каким вас описывает Сид Ахмет Бен-инхали, всем повествователям повествователь!» [18, с. 453].

Так развиваются два варианта третьего коммуникативного уровня романа – истинный и поддельный. Общий вывод по поводу имеющихся уровней повествования о рыцаре без страха и упре-

ка озвучивает один из героев романа, Дон Хуан с постоянного двора: «... следовало бы воспретить писать что-либо о великом Дон Кихоте всем, кроме первого его жизнеописателя, Сиды Ахмета...» [18, с. 438].

Но, помимо фиктивных нарраторов Сиды Ахмета Бен-инхали (правдивый повествователь) и Авельянеда из Тордесильяса (лживый повествователь), в финале первой части романа функции раздателей истинного/ложного коммуникативного уровня выполняют авторы пергаментов, которые абстрактный автор якобы нашел у лекаря и которыми завершается первая часть романа. В стихах на испанском языке, сочиненных многочисленными «академиками», приводятся некоторые сведения о Дон Кихоте, Санчо Пансе, Дульсинея Тобосская. Цитирующий эти вирши абстрактный автор продолжает играть с читателем, резко обрывая рассказ о Дон Кихоте, приводя посвященные ему эпитафии и характеризуя участь других пергаментов («... буквы были попорчены червями, вследствие чего пришлось передать их одному академику, дабы он прочитал их предположительно» [17, с. 512]). Эпитафии, подчеркнем, звучат до начала второй части, разрывая хронологическую последовательность повествования и вновь демонстрируя литературную игру, ведомую абстрактным автором.

В результате третий коммуникативный уровень романа с его противопоставленностью истинного и лживого рассказов по-разному представлен в первой и второй частях романа. Если в финале первой части подлинны летописи, изустные предания и «предположительно» расшифрованные записи на глазах читателя приобретают импрессионистическую размытость рисунка, то к концу второй части выстраивается графически четкое противопоставление друг другу единственно правдивого и подложного текстов.

Подбор элементов повествования, их структурирование, создание самой повествовательной истории, ее оценки и словесные презентации, индивидуальные дискурсы свидетельствуют о разных типах фиктивных нарраторов со своими речевыми особенностями и мировоззренческими установками.

В этой связи необходимо остановиться на Дон Кихоте как нарраторе, выполняющем инициальную функцию. Во время своего первого выезда из дома (глава 2 первой части) он размышляет о будущем авторе правдивой повести, ему посвященной, и предлагает свое видение будущего текста, который, считает он, должен начинаться так: «Златокудрый Феб только еще распускал по лицу широкой и просторной земли светлые нити своих роскошных волос <...>, когда славный Дон Кихот Ламанчский презрел негу пуховиков...» [17, с. 55].

Третий коммуникативный уровень повествования, принадлежащий Дон Кихоту, откровенно литературен и в этом смысле вторичен, т.к. герой следует лексическим, стилистическим и повество-

вательным законам расхожей рыцарской литературы, ставшей предметом пародии Сервантеса. Дискурс Дон Кихота влияет и на Санчо Пансу, который готов следовать ему. Наиболее показателен эпизод с потерянным письмом к Дульсинея Тобосская, которое пересказывает рыцарю его верный оруженосец: «... я только и помню, что *безотказная*, то бишь *бесстрастная сеньора*, и потом в конце: *Ваш до гроба Рыцарь Печального Образа*. А в середину я вставил штук триста всяких там “душ”, “жизней” да “очей моих”» [17, с. 306].

Проведенное исследование нарративных стратегий Сервантеса в «Дон Кихоте» позволяет сделать выводы об особенностях текстопорождения романа, который представляет собой сложное взаимодействие нескольких коммуникативных уровней. Ядро романной семиосферы, которую очерчивает конкретный автор (первый коммуникативный уровень), составляет второй коммуникативный уровень, созданный абстрактным автором, ее периферию – многочисленные фиктивные нарраторы, авторы третьего коммуникативного уровня.

Сюжетно-повествовательное высказывание абстрактного автора, традиционно отождествляемое с историей Рыцаря Печального Образа как одного из вечных героев мировой литературы, не кодирует исчерпывающе сюжет романа и не дает ответа на вопросы, как структурирован повествовательный текст и почему он структурирован именно так. Интерпретации истории Дон Кихота несколькими фиктивными нарраторами и их репрезентации собственных точек зрения на излагаемые события придают объемный смысл повествованию, приобретающему игровой характер. Сервантес, использовавший разветвленную систему повествователей, которые предлагают свои нарративные трансформации сюжета, и усложняющий текстообразование, добился того, что его способ создания картины мира и человека приобрел универсальный вневременной характер. Именно поэтому каждая эпоха по-своему трактует этот роман, акцентируя то, что актуально для нее, и именно поэтому у каждой эпохи свой Дон Кихот.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. А. Дон Кихот на русской почве: в 2-х тт. М.: Гендальф, Минск: МЕТ, 1996.
2. Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М.: Книга, 1988. 448 с.
3. Борхес Х. Л. Скрытая магия в «Дон Кихоте» / пер. Е. Лысенко // Борхес Х. Л. Соч. в 3-х тт. Т. 2. М.: Полярис, 1997. С. 41–44.
4. Борхес Х. Л. Притча о Сервантесе и Дон Кихоте / пер. Б. Дубинина // Борхес Х. Л. Соч. в 3-х тт. Т. 2. М.: Полярис, 1997. С. 177.
5. Горнфельд А. Г. Дон Кихот и Гамлет. Боевые отклики на мирные темы. Л.: Колос, 1924. С. 18–28.
6. Жаринов Е. В. Библиотека Дон Кихота. М.: ГИТР, 2013. 356 с.
7. Iberica. К 400-летию романа Сервантеса «Дон Кихот» / отв. ред.: В. Е. Багно, С. И. Пискунова, О. А. Светлакова. СПб.: Наука, 2005. 293 с.

8. Ишимбаева Г. Г. «Мир строится по новому масштабу...»: утопия «Дон Кихота» Сервантеса // Актуальные проблемы теоретической и прикладной филологии. Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. С. 74–84.
9. Кельин Ф. Сервантес // Сервантес М. де С. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / пер. Н. Любимова. В 2-х ч. Ч. 1. М.: Художественная литература, 1970. С. 5–26.
10. Кржижановский С. Д. Сэр Джон Фальстаф и Дон Кихот // Шекспировский сборник / ред. А. А. Аникст. М.: Всероссийское театральное общество, 1967. С. 146–150.
11. Манн Т. Путешествие по морю с Дон Кихотом / пер. А. Кулишер. Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 10. М.: Гослитиздат, 1961. С. 174–228.
12. Набоков В. В. Лекции о «Дон Кихоте» / пер. И. Бернштейн, М. Дадяна, Дашевского Г., Кротовской Н. СПб.: Азбука-классика, 2010. 318 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о «Дон Кихоте» / пер. Б. Дубина, А. Матвеева. М.: Грюндриссе, 2016. 196 с.
14. Пискунова С. И. «Дон Кихот» Сервантеса и жанры испанской прозы XVI–XVII вв. М.: изд-во МГУ, 1998. 316 с.
15. Пискунова С. И. «Дон Кихот» Сервантеса и типология литературного процесса в Испании XVI–XVII вв.: дисс. ... д-ра филол. н. М.: изд-во МГУ, 1998. 364 с.
16. Пискунова С. И. Истоки и смысл смеха Сервантеса // Вопросы литературы. М., 1995. С. 143–169.
17. Сервантес М. де С. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / пер. Н. Любимова. В 2-х ч. М.: Художественная литература, 1970. Ч. 1. 543 с.
18. Сервантес М. де С. Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский / пер. Н. Любимова. В 2-х ч. М.: Художественная литература, 1970. Ч. 2. 560 с.
19. Степанян К. А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
20. Тюпа В. И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Вып. 5. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. С. 5–31.
21. Унамуно М., де. Житие Дон Кихота и Санчо Панса по Мигелю де Сервантесу Сааведре, объясненное и комментированное Мигелем де Унамуно / пер. А. Косс, П. Глазовой, С. Николаевой. СПб.: Азбука, 2011. 412 с.
22. Унамуно М., де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов / пер. Е. Гараджа // Унамуно М., де. О трагическом чувстве жизни. М.: Символ, 1997. С. 25–304.
23. Цюрупа Э. Я. Бессмертие Дон Кихота. М.: Советская Россия, 1977. 222 с.
24. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
25. Штейн А. Л. Дон Кихот – вечный спутник человечества. М.: УРСС, 2002. 93 с.

Поступила в редакцию 05.07.2019 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.3.14

**CERVANTES' NARRATIVE STRATEGIES
IN THE NOVEL "DON QUIXOTE"**

© G. G. Ishimbaeva*, N. R. Lenkova

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.**Phone: +7 (347) 273 67 26.***Email: galgrig7@list.ru*

The purpose of this article is the study of Cervantes' narratological strategy in the novel "The Ingenious Gentleman Sir Quixote of La Mancha". The methodological basis of the work is the concept of the German literary theorist V. Schmid, who examined the narrative instances from a particular author's point of view, an abstract author and a fictitious narrator. The article analyzes the specific practice of the text-forming method of creating a worldview and a person in the form of plot statements. It also regards the issue of the novel authorship, reveals the narrative transformations of the novel plot. A study of Cervantes' narrative strategies made it possible to draw conclusions about the text-generation of the novel, which is a complex interaction of several communicative levels. The core of the novel semiosphere, which the concrete author outlines (the first communicative level), is the second communicative level created by the abstract author. Its periphery is the numerous fictitious narrators, the authors of the third communicative level. The narrative utterance of an abstract author, traditionally identified with the story of the Knight of the Sorrowful Countenance as one of the eternal heroes of world literature, does not encode the novel's plot exhaustively. Interpretations of the Don Quixote story by several fictitious narrators give a volumetric meaning to the narrative. Cervantes, who used an extensive system of narrators, ensured that his way of creating a worldview and a person acquired a universal timeless character. That is why each era interprets this novel in its own way, and that is why each era has its own Don Quixote.

Keywords: Cervantes, Don Quixote, narratology, specific author, abstract author.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Eichenwald Yu. A. Don Kikhot na russkoi pochve: v 2-kh tt. [Don Quixote on Russian soil: in 2 volumes]. Moscow: Gendal'f, Minsk: MET, 1996.
2. Bagno V. E. Dorogami «Don Kikhota» [By the roads of Don Quixote]. Moscow: Kniga, 1988.
3. Borges J. L. Soch. v 3-kh tt. Vol. 2. Moscow: Polyaris, 1997. Pp. 41–44.
4. Borges J. L. Soch. v 3-kh tt. Vol. 2. Moscow: Polyaris, 1997. Pp. 177.
5. Gornfeld A. G. Don Kikhot i Gamlet. Boevye otkliki na mirnye temy [Don Quixote and Hamlet. Fighting responses to peaceful topics]. Leningrad: Kolos, 1924. Pp. 18–28.
6. Zharinov E. V. Biblioteka Don Kikhota [Library of Don Quixote]. Moscow: GITR, 2013.
7. Iberica. K 400-letiyu romana Servantesa «Don Kikhot» [Iberica. On the 400th anniversary of Cervantes' novel "Don Quixote"]. Ed.: V. E. Bagno, S. I. Piskunova, O. A. Svetlako. Saint Petersburg: Nauka, 2005.
8. Ishimbaeva G. G. Aktual'nye problemy teoreticheskoi i prikladnoi filologii. Ufa: RITs BashGU, 2017. Pp. 74–84.
9. Kel'in F. Servantes. Servantes M. de S. Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanskii / per. N. Lyubimova. V 2-kh ch. Pt. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970. Pp. 5–26.
10. Krzhizhanovskii S. D. Shekspirovskii sbornik / red. A. A. Anikst. Moscow: Vserossiiskoe teatral'noe obshchestvo, 1967. Pp. 146–150.
11. Mann T. Puteshestvie po moryu s Don Kikhotom [Voyage with Don Quixote] / per. A. Kulisher. Sobr. soch. v 10-ti tt. Vol. 10. Moscow: Goslitizdat, 1961. Pp. 174–228.
12. Nabokov V. V. Lektsii o «Don Kikhote» [Lectures about "Don Quixote"] / per. I. Bernshtein, M. Dadyana, Dashevskogo G., Krotovskoi N. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2010.
13. Ortega y-Gasset J. Razmyshleniya o «Don Kikhote» [Meditations on Quixote] / per. B. Dubina, A. Matveeva. Moscow: Gryundrisse, 2016.
14. Piskunova S. I. «Don Kikhot» Servantesa i zhanry ispankoi prozy XVI–XVII vv. ["Don Quixote" by Cervantes and the genres of Spanish prose of the 16-17 centuries]. Moscow: izd-vo MGU, 1998.
15. Piskunova S. I. «Don Kikhot» Servantesa i tipologiya literaturnogo protsessa v Ispanii XVI–XVII vv.: diss. ... d-ra filol. n. Moscow: izd-vo MGU, 1998.
16. Piskunova S. I. Voprosy literatury. Moscow, 1995. Pp. 143–169.

17. Cervantes M. de S. *Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii* [The ingenious gentleman Don Quixote of La Mancha] / per. N. Lyubimova. V 2-kh ch. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970. Pt. 1.
18. Servantes M. de S. *Khitroumnyi idal'go Don Kikhot Lamanchskii* [The ingenious gentleman Don Quixote of La Mancha] / per. N. Lyubimova. V 2-kh ch. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1970. Pt. 2.
19. Stepanyan K. A. *Dostoevskii i Servantes: dialog v bol'shom vremeni* [Dostoevsky and Cervantes: dialogue in long time]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013.
20. Tyupa V. I. *Kritika i semiotika*. No. 5. Novosibirsk: izd-vo NGU, 2002. Pp. 5–31.
21. Unamuno M., de. *Zhitie Don Kikhota i Sancho Pansa po Migelyu de Servantesu Saavedre, ob'yasnennoe i kommentirovannoe Miguel de Unamuno* [The life of Don Quixote and Sancho Panza by Miguel de Cervantes Saavedra, explained and commented by Miguel de Unamuno] / per. A. Koss, P. Glazovoi, S. Nikolaevoi. Saint Petersburg: Azbuka, 2011.
22. Unamuno M., de. *O tragicheskom chuvstve zhizni u lyudei i narodov* / per. E. Garadzha. Unamuno M., de. *O tragicheskom chuvstve zhizni*. Moscow: Simvol, 1997. Pp. 25–304.
23. Tsyurupa E. Ya. *Bessmertie Don Kikhota* [Immortality of Don Quixote]. Moscow: Sovet-skaya Rossiya, 1977.
24. Schmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003.
25. Stein A. L. *Don Kikhot – vechnyi sputnik chelovechestva* [Don Quixote – the eternal companion of humankind]. Moscow: URSS, 2002.

Received 05.07.2019.